

Ты слышишь множество прекрасных голосов
И тут и там. Они зовут тебя повсюду,
И следовать за ними ты готов,
И им внимать, как сказочному чуду.
Знай лишь одно, что песни тех сирен
Понять на краткий миг лишь тот достоин,
Кто их не слушал и сквозь мрак и тлен
Судьбе бросает вызов, словно воин,
Не преклонивший в смертный час колен.
Он видит мир, утопленный в отраве,
Но он один. И лишь в его устах
Есть слово смерть...

Кован Нерестов

* * *

Что я сейчас делаю в одном из гаражных нагромождений на краю города?

Там, где раньше мой отец ремонтировал свою синюю «шестерку» «Жигулей», разбирая ее чуть ли не до винтика.

Он брал меня сюда, словно в волшебное царство необъяснимых инструментов — огромных ключей, которыми запросто можно было проломить голову; острых длинных гвоздей, которые с упором можно было пропихнуть между ребер в сердце; шил и отрезков металла, которыми можно было пропороть живот; дисков от циркулярных пил, которые можно было метнуть в человека и срезать нос или выбить глаз; ломов, газовых ключей, баночек с кислотой из аккумуляторов и тысячами всего прочего, что разрешено хранить и использовать законом обыкновенному человеку.

Здесь, в этой сокровищнице, где я чувствую себя как нельзя более комфортно, я труборезом

медленно укорачиваю пальцы моему давнишнему знакомому, хотя мы только сегодня в первый раз за много лет встретились с ним лицом к лицу.

Имя?

Его имя или мое?

Его зовут Павел, а у меня нет имени. У абстрактных понятий нет собственных имен.

Плотный мужчина с брюшком, в очках с толстыми стеклами и кляпом из старого вязаного шерстяного носка во рту (иначе он от боли сжевал бы себе язык) постепенно лишается по одному из своих пальцев, согласно задаваемым мною вопросам и его ответам.

А вопросы мои просты.

Это игра. Она называется «делал или не делал!» Очень интересная игра. Моя любимая игра! Потому что ответы на задаваемые вопросы только у меня в голове.

— Ты целовал ее в шею? — спрашиваю я через черную колючую балаклаву, вытирая рот рукавом. Почему-то очень сохнут губы. Приходится их облизывать, но от этого еще хуже, и я их вытираю рукавом.

А в голове тут же вертится картинка.

Бледная кожа шеи чуть ниже затылка с легким ароматом каких-то нежных духов. Там, где можно упереться носом в основание черепа. Там, где практически заканчиваются корни ее русых волос.

Я прямо чувствую ее запах, который сводит меня с ума. Не знаю, как бы у меня с ней сейчас все это действительно происходило, но мне хотелось бы, чтобы все это было именно так.

Только так. Так, как я представляю. Любое расхождение с моей фантазией меня просто взрывает, и тогда я могу натворить ужасных дел.

Пол? У меня нет пола. Абстрактные понятия не имеют пола.

— М-м-м-м... ма-а-а! — мычал мой давний знакомый, мотая головой из стороны в сторону.

— Зря не целовал, — отвечаю я, и труборез при провороте сухо хрустит.

Колесико впивается в кость или хрящ, аккуратно разрывая его. Фаланга падает на застеленный полиэтиленовой пленкой пол. Кровь течет, как какой-нибудь сок из только что срезанного стебля цветка, а я чувствую тепло внизу живота.

Дальше мне приходится брать газовую горелку и прижигать торчащие срезанные хрящи и кровеносные сосуды. Пахнет шашлыком.

Мой визави пытается кричать, но кляп глушит звук.

Теперь ему надо дать отдохнуть, чтобы он не вырубился. Немножко отдохнуть. Чуть-чуть. Минут двадцать.

А мне теперь можно отвлечься и почитать.

Я люблю читать еще с детства, когда фантазия авторов вкупе с моим воображением уносила меня

далеко-далеко в иные завораживающие миры, древние времена или несуществующие реальности.

Есть книги, которые настолько явшокекакоеотличноеприлагательноеозначающеевосторг, что прочитать их просто необходимо. Есть и так называемый маст хэв, о котором должен знать каждый образованный человек, а есть и откровенное дерьмо. Итак, начнем...

Ужас простых обывателей, ноль их знаний о предмете и максимальная раскрученность автора — Маркиз де Сад (если я правильно пишу его имя).

Так вот, мало кто читал его книги и много кто бравирует его именем! А вы просто возьмите и почитайте! Там совсем не то, что вы представляли себе.

Мне попало что-то более-менее доступное. А именно — «Сто двадцать дней Содома» — первые шесть дней.

Так вот про явшокекакоеотличноеприлагательноеозначающеевосторг читиво — это не про вот эту конкретную книгу маркиза.

Надо сказать, что он меня не впечатлил. Подвел меня маркиз.

Может, это не та книга, с которой нужно начинать знакомство с де Садом, но почему-то мне кажется, что автора сильно переоценивают. Тем более, насколько я знаю, в те времена было достаточно литературы, описывающей половые органы и варианты совокуплений.

Не всплыл передо мной и пресловутый лозунг — «Будь свободным» — в описании и чистых сладких розовых попок, и неподтертых грязных анусов. Не всплыл этот лозунг и в просовывании между ляжек девственницам, которых очень хотелось, но которых было нельзя дуплить по договоренности с устроителями средневекового порнопати.

Особенно не нравилось, когда «благородные господа» принимаются жрать дерьмо, запивая это мочой уродливых старух.

В общем, скучно, однообразно и «грязно».

Чувствую, что точно такое же впечатление оставит у меня «Американский психопат», к которому от скуки и ради отдыха от маркиза меня недавно привел интерес.

Американский психопат... Патрик Бейтман... Сатира, яппи, черный юмор, бренды, популярные группы, куча тупой порнухи и невероятно непрофессиональной расчлененки... Ладно, посмотрим, что будет дальше...

Так незаметно пролетело двадцать минут. Почему-то ужасно клонит в сон.

Мой сердечный друг уже вроде оклемался. Я закрываю книгу, вкладывая между страниц календарик с котятами. На нем один милый котенок сложил лапки, словно в молитве, а второй пытается напрыгнуть на него сзади. Наверное, чтобы обнять.

Дай бог, чтобы обнять.

Итак, приступим снова к моему сопернику.

Сопернику ли?

Наверное, да!

Теперь даже можно вынуть кляп на время. Посмотрим, что он скажет.

— Тебе нравился секс с ней? — говорю я (вот тут, простите, ненавижу слово трахать, Трахать, ТрАхАТЬ, ТРАХАТЬ, ненавижу его).

Мужчина в очках и труборез молчали. Даже если бы мой пленник ответил положительно, труборез бы ничего не предпринял. Да и что он мог бы сделать? Как тут устоять человеку? Сам труборез был бы не прочь хотя бы на миг коснуться своей ржавой ручкой ее красивого влажного рта или еще более нежных мест.

— Тебе нравился секс с ней? — спрашиваю я снова, но мой соперник пораженчески начал нести предательскую ересь.

— Но я не хочу ее больше! Забери ее, пожалуйста, забери! — говорил он.

Моя жертва на самом деле сейчас так ожесточенно отказывалась от Оксаны — своей женщины, с которой он встречается в текущий момент своей глупой жизни.

Отказывался от моей негаданной, случайной и такой банальной любви. Точнее — от любовного треугольника, о котором очкарик не догадывался.

Кто знает, какие у них с Оксаной теперь отношения? Мне не хотелось бы за ними следить.

Хотя — зря!

Нужно было бы проследить.

Нужно было бы уделить этому делу больше времени.

Стоило бы понаблюдать за ней и за ним. Стоило бы подглядывать с огромным биноклем, который был куплен специально для таких случаев.

Стоило бы посмотреть. Ссорятся ли они? Орут ли друг на друга из-за немытой посуды? Не разговаривают друг с другом неделю из-за мятых рубашек? Плачут ли в подушку по ночам из-за недостаточного внимания?

А может быть, живут душа в душу?

А может быть, ссорятся, а потом занимаются бурным примирительным сексом?

— Да будь уже смелее — трахаются. НЕ ЗАНИМАЮТСЯ СЕКСОМ, А ТРАХАЮТСЯ!!

— Да заткнись, я не люблю это слово!

А может быть, все у них не так. Может быть, они по обыкновению после трудного рабочего дня медленно и уныло, как по расписанию, раздеваются, укладываются в постель и монотонно любят друг друга.

— Да трахаются они! ТРАХАЮТСЯ ЖЕ!

— Да заткнись, боже мой, сука!! Пожалуйста, заткнись!!

В общем, меня это абсолютно не волнует.

Абсолютно.

Главное, что этот заплывший жиром бизнесмен средней руки уже давно отказался от прав на свою возлюбленную (назовем ее так).

Напрочь отказался еще при своем первом пальце.

Сейчас же, при втором, он называл ее всякими недостойными влюбленного мужчины словами и желал ей скорейшей смерти.

Да уж... Времена... Мужчины... Он не чета Гаю Муцию Сцеволе, который при угрозе пытками протянул руку в разведенный на алтаре огонь и держал ее там, пока она не обуглилась.

Не понимал мой толстостеклый «римский пленник» самого главного.

Не понимал он, за что ему выпала такая доля и за что он страдает. Смутно он осознавал, что его мучения связаны с моей любовью, но не знал, каким образом.

И вот теперь он предлагает мне все, что может предложить. Обещает деньги, обещает исчезнуть, просит мучить мою любовь вместо него. Как будто мне теперь это нужно.

И это после всего, что у нас с ней было.

«Бледная кожа шеи чуть ниже затылка с легким ароматом каких-то нежных духов. Там, где можно упереться носом в основание черепа. Там, где практически заканчиваются корни ее русых волос».

Он не может осознать самого главного, и поэтому с гулким хрустом проворота труборез аккуратно режет фаланги.

Думаете, меня сжигает ярость или ненависть?
Да нет же — наоборот!

Просто у меня сейчас затишье перед самым главным делом моей жизни. Это дело требует много времени и точных, аккуратно просчитанных ходов. Требуется абсолютно холодной головы, а не того бардака, который царит у меня сейчас под наплывом «Великой Пустоты» — так оно у меня называется.

Поэтому разрушить все, что запланировано моментальной вспышкой сладкого яростного безумия, я не могу.

Вот и приходится вспоминать, возвращать и выпускать на волю маленькие, ничего не значащие для моих гостей, но болезненные для меня воспоминания.

Хруст трубореза — это не сама пустота. Хруст трубореза — это только четверть пустоты. Мне нужны и остальные три части, которые очень сложно собрать вместе.

Скоро все происходящее здесь коснется и тех людей, которые меня уже и не помнят. Скоро...

Глава I

— Да как же, в конце концов, сука, хорошо, Володька! — прокричал Илья наклонившемуся к нему коротко стриженному широкоплечему парню, пахнущему потом и резким парфюмом, через басы облепляющей музыки.

— А я что тебе говорил? — ответил короткостриженный. — Тут хорошо! Совсем ты закис в своей высокой материи и бумажках.

Володька был отчасти прав. Тут было хорошо.

Черт дернул Илью поступить на философский факультет МГУ, и сам Сатана успешно курировал его поступление.

Хотя с какого великого и ужасного Хомы Брута сам Илья решил избежать участи множественной рати юристов, экономистов, программистов и бухгалтеров и ворваться в ряды философов? Этого никто не знал, кроме него самого.

А все на самом деле было очень просто. У Ильи оказалось очень много времени, чтобы поразмыслить о жизни.

Когда ты, как солдат на учениях, скатываешься в небольшое, пригодное только для пятилетнего ребенка пространство между старым диваном и полом и тянешь на себя простыню, чтобы пьяный батя не заметил тебя...

Когда ты по глухим, слышимым из кухни звукам удара кулака о ребра и слабым вскрикам «мама», «Коля» и «зачем?» понимаешь, что батя добрался до мамы, и клянeshь себя за то, что у тебя не хватило смелости отвести от матери агрессию пьяного вдребезги и недовольного своей жизнью папы — слесаря какого-то разряда, который дорбатывает на издыхающем сейчас бывшем гиганте советского машиностроения...

Вот тогда-то у тебя много времени, чтобы поразмыслить о жизни.

С каждым «что я тебе сделала?» много времени.

С каждым, сука, «Илья же увидит!» много времени.

С каждым «пожалуйста, не надо» много времени.

Много времени, чтобы задуматься. Чтобы в пять лет что-то понимать о гребаной сущности бытия с точки зрения основных десяти взглядов на смысл жизни, которые Илья вывел в простые правила.

— Стремись к удовольствиям. Тем, что, конечно, не запрещены законом. Это киренаическое учение, как оказалось позже. Единственная цель жизни — испытывать удовольствие в настоящем, вместо того чтобы строить планы на будущее. Первостепенны физические наслаждения, и человек должен принимать все меры к тому, чтобы максимизировать их количество.

— Не гонись за богатством. Погоня за ним иссушает. Смысл жизни будет достигнут тогда, когда ты перестанешь сравнивать себя с другими. Не нужно знать сильных мира сего. Боже упаси тебя брать в руки выпуск «Forbes».

— У каждого свои представления о добре и зле. Добро ли — пристрелить мучающуюся, сбитую автомобилем собаку? Отключить человеческий овощ от розетки? Решайте сами.

— Живи ради созидания. Будь сантехником, но твори. Если тебе не нравится то, что ты делаешь, немедленно бросай это. Нет в этом счастья.

— То, что ты сделал для других и они этого не узнали и не заметили, — бессмысленно.

— Оставь что-то после себя. Дети, книги, дома. В общем, вырасти сына, посади дерево и построй дом, но можно и написать книгу, картину, создать секту или сжечь город.

— Мир — это страдание. Все неудачи твои ничего не стоят, потому что ты и так живешь в отвратительной клоаке. Поражение ждет тебя ежеминутно. Попробуй, конечно, победить, но не расстраивайся, если облажаешься, ведь многие религии говорят, что если ты лежишь в помойке и в тебя плюют, то ты свят.

— После смерти есть только смерть.

— Смерть, как и жизнь, — сама по себе не плоха. Она лишь часть чего-то. Если есть смерть, значит, она должна быть.

— Выбери себе то, ради чего ты живешь, и добейся этого. Потом выбери следующее и добейся его. Не бери малозначительное. Это все должно быть всеобъемлющим, прямым, необоримым...

Владимир дернул Илью за рукав, вырвав из размышлений.

— Ты опять? — спросил он, пододвигая к Илье запотевший стакан водки. Другие напитки, кроме еще, возможно, пива, лысый здоровяк не призна-

вал. — Прекращай уже. Ты же меня просил ни в коем случае не давать тебе думать.

— А я думал? — слукавил Илья.

— По твоей сумрачной роже, — Владимир ударил своим стаканом о стакан Ильи, — было видно, что ты не о телочках размышляешь. А ведь сегодня это вариант! Железка! Ты только осмотришься.

Илья быстро окинул взглядом окружающее пространство барной стойки и столов, что стояли неподалеку.

Две неплохие штампованные, но явно «ищущие спонсора» блондинки пьют мохито за небольшим круглым столиком.

Еще есть две девахи, но они уже пьют с подкатившими недавно завсегдатаями.

Еще трое самочек — но они явно «пришли только с подружками встретиться», причем обручальных колец нет ни на одной.

Еще одна классическая пара — «красавица и чудовище».

Еще пара малолеток.

Потом одиночки:

факабл,

факабл,

факабл плюс водка,

факабл,

потом нет уж никак не факабл — господи прости,

факабл и...

Святые котятя!

Сколько раз в своей жизни Илья зарекался обращать внимание на фриков. Но его тянуло к ним до сладкого безумия! Тянуло к девушкам, попирающим принятые стандарты красоты и приличия.

Однако, несмотря на эту странность, по стандартам Ильи, все должно было гармонировать, и не нужно было перебарщивать.

Синие волосы — хорошо. Кольцо в носу, штанга в языке, клиторе — ок. Андеркат — вообще суперсексуально. Тату (даже маленькое) уже плюс пятнадцать к пробитию брони его сердца, а если это тату находилось в тех местах, где их обычно не делают, то плюс пятьдесят к пробитию брони и к возможности двадцатипроцентного крита.

Главное, чтобы не было татушек на лице. А хотя, если небольшие и после большого литража алкоголя, то хоть как у племени маори — на всю рожу.

Так вот. Глаза Ильи остановились на одной девушке. Это была прямо богиня, по мнению всех его существующих эрогенных точек.

Она сидела одна, явно наплевав на всех вокруг, с бутылкой самого дешевого и отвратительнейшего виски в обнимку. Правый висок был выбрит, а на нем легко и ненавязчиво красовался сантехник Марио, разбивающий кулаком пресловутый квадрат, из которого только-только

начинал вырастать грибок. На плече красным по бледной коже красовался знак Орды из World of Warcraft.

Вместе с тем девушка не была одета в жуткие и непонятные подобию фантазийных нарядов. На ней были джинсы, зауженные снизу и придуманные самим дьяволом, наверное, чтобы вызывать негодование в каждом истинно верующем. Белая футболка с эмблемой Грей Джоев и девизом — «То, что мертво, умереть не может». И безрукавка, явно сделанная вручную из безразмерного пуховика, словно его взяли у огромного огра, оторвали рукава, а девушка в нем решила выйти в свет.

Нужно было действовать. Илья взглянул на Владимира.

Лысый здоровяк, проследив за взглядом своего товарища, печально покачал головой, словно отец, осуждающий невинные, но неприличные в высшем обществе поступки своего неразумного отпрыска. Ну, любит малыш в носу на людях ковыряться, ну что же, теперь ему руки за спиной связывать?

В конце концов Владимир махнул рукой, отвернулся и продолжил общение с одним из своих знакомых, на которого около часа назад они натолкнулись у барной стойки. То ли Артем, то ли Антон, то ли Артур... Располагающий такой, компанейский веселый подвыпивший парень...

Тем временем Илья встал, чуть придержался за край стола, так как в голову ударила разница между трезвой сидячей сухопутной крысой и ноль-семилитровотуманной погодой, упавшей на плечо молодого юнги.

Где он вычитал эту фразку? Ну да ладно.

Сконцентрировавшись, Илья направился к двуместному маленькому столику в углу, где сидело так заинтересовавшее его создание.

Когда он плюхнулся на стул напротив, ничто не оторвало девушку от наливания очередной порции отвратительнейшего виски в ее граненый стакан, который явно был принесен ею из дома.

Наконец горлышко бутылки, наливающей коричневую отраву, оторвалось от края стакана. Марио на виске девушки словно легонько качнулся, его кулак нежно на полпальца погрузился в нависавший, как в игре, коричневый блок, а грибок, как показалось Илье, моргнул своим глазом-точкой.

— А тебе что угодно от конченной дуры? — спросила девушка, даже не взглянув на Илью.

— Простите? — Илья слегка замешкался, не ожидая такого начала знакомства.

— Так сказал мудака, который думал, что ему сегодня обломится потрахаться. — Девушка вдруг замолкла и сантиметр за сантиметром осмотрела Илью с видом ветеринара, выискивающего в помойной крысе признаки чумы или бешенства.

Илья хотел заглянуть в глаза девушки, но они были надежно скрыты за ниспадающей челкой. Там можно было рассмотреть только холодные редкие вспышки. Ничего более или менее адекватного в таких глазах не было! Это сейчас были пустые буркала бездумной акулы в темных толщах воды, которая хотела только жрать, нарезая круги перед жертвой, и больше ничего. А может быть, это были маленькие глазки хорька, забившегося в свою нору и злобно поблескивающего ими оттуда.

Илья перевел взгляд на бутылку дешевого виски, на граненый стакан, на огромный изогнутый телевизор над барной стойкой, из которого раздавалась известная композиция Dropkick Murphys. Потом он снова взглянул на девушку и увидел значительную перемену.

Что-то случилось. Еще только слегка ощущаемое, эфирное, но уже не предвещавшее ничего повседневного, стандартного и скучного. Может быть, Илья что-то сделал, может быть, просто так сложились звезды, но злобное выражение исчезло с лица девушки. Она отбросила волосы со лба небрежным взмахом головы, и на лице ее внезапно вспыхнули новые темно-зеленые глаза с серыми точечными кляксами разводов у зрачков, похожие на невероятные снимки телескопов из космоса.

— Сверхновая 1987А, — произвольно прошептал Илья.

— Что? — девушка чуть заметно подняла бровь.

— Да не, — отвечал Илья, пытаясь казаться простым пьяным приставадой. Сравнение глаз девушки с шикарной красивой галактикой было слишком преждевременно и пошло. — Ничего! Просто вспомнилось...

— Галактика? — ухмыльнулась девушка. — Астроном, что ли?

— Да не то чтобы прямо астроном, — Илья понял, что его раскрыли (как же стыдно), — но когда-то увлекался.

— Ладно! — слегка улыбнувшись, сказала девушка. — Не парься. Как тебя зовут?

— Илья, — ответил молодой человек.

— Василиса, — ответила девушка, осушив пол граненого стакана одним залпом, сморщившись и подавив слегка заметный рвотный позыв. — Трахаться хочешь?

Акцент был сделан на слове «хочешь».

— Что? — теперь настала очередь Ильи удивляться.

— Ты хочешь меня? — Василиса провела рукой по волосам, открывая татуировку на виске. Волосы послушно поплыли, и от них повеяло каким-то детским шампунем.

Так периодически пахло от двоюродной племянницы Ильи.

Что-то в голове щелкнуло. Что-то омертвело, словно ты в эротическом сне пытаешься заняться

сексом с какой-то соблазнительной незнакомкой, а она вдруг превращается в отвратительную старуху, или какое-нибудь животное, или еще хуже... Но ты же уже весь в процессе, и остановиться ты не можешь.

Боже мой! Нужно было быстро заканчивать эту несуразную встречу и отправляться обратно.

Зря он!

Зря снова не послушал Владимира. Не нужно ему сейчас таких приключений. Сидели бы сейчас вместе с Володькой и этим Артуром или Антоном, слушали бы его веселые байки. Было бы весело и спокойно, но... пусто?

Вдруг Марио от движения руки Василисы подпрыгнул, и волосы снова упали на зеленые глаза.

— Да ладно, — улыбнулась девушка. — Не трясись ты так. Просто надоели тупые альфа-самцы, которые считают, что им доступны все девушки. Достаточно только потрясти кошельком или ключами от дорогой тачки. А пьющая в одиночестве телка, так это вообще вариант на сто сорок шесть процентов.

— Я не трясусь, — хмуро ответил Илья.

— Вот и хорошо, — сказала Василиса, а потом издевательски улыбнулась: — Так ты хочешь меня?

— Не ерничай, — Илья поднялся из-за стола. — Я пойду и принесу выпить. Ты хочешь что-нибудь?

— Нет! — ответила Василиса. — И не буду сильно расстраиваться, если ты не вернешься. Пойму. А то ты прямо побелел весь.

Илья вернулся через несколько минут с бутылкой такого же дешевого виски и стаканчиком для шотов. Василиса, казалось, за все это время даже не шевельнулась.

— Назло тебе вернулся, — сказал Илья, ставя на стол бутылку и свой стаканчик, который выглядел гадким заморышем в сравнении с чинным и благородным граненым стаканом.

— А ты что? Со своим стаканом приходишь? — спросил он. — Я тут граненого ни разу не видел.

— Угу, — мрачно кивнула девушка.

— Почему? — спросил Илья.

— Бывают приступы мизофобии, — ответила Василиса.

Илья порылся в своей памяти, минуту помолчав, и вспомнил статью в Сети про топ двадцать распространенных фобий.

— Микробов боишься? — усмехнулся Илья.

— Не совсем, — девушка сделала глоток виски. — Просто как представлю, сколько губ касалось этого стакана, так какое-то омерзение берет. Причем губы эти делали много-много всего гадкого.

Василиса на мгновение задумалась.

— А иногда, — лицо девушки приняло мечтательное выражение, — так и хочется из такого

выпить. Особенно из грязного. Прямо чтобы невымытого. Прямо словно кто-то заставляет.

Василиса жадно уставилась на маленький стаканчик Ильи.

К этому моменту, как показалось Илье, она была уже в «нужной кондиции». Да и сам Илья был ненамного свежее.

— Угощайся, — Илья налил в стаканчик желтую крепкую жидкость, которая выдавала себя за виски.

— Пока не настолько припекло, — сказала Василиса, доливая остатки из своей бутылки в граненый стакан.

— Как знаешь, — Илья поднял стаканчик и осушил свой маленький и жалкий шот.

На вкус виски был еще хуже, чем говорил о нем его внешний вид и запах.

— О чем будем дальше разговаривать? — спросила Василиса.

— О Марио, — неожиданно для себя ответил Илья. — Почему у тебя именно Марио?

Девушка внимательно посмотрела на Илью, потом ее зеленые глаза помутнели, словно в памяти всплыли самые печальные моменты жизни, а потом она сделала большой глоток из своего граненого стакана.

— Марио — он же герой! — с горечью произнесла Василиса. — Он спасатель принцесс! Он типа рыцаря. Только с каждым уровнем его счастье все

откладывается и откладывается. Принцесса постоянно переезжает в новый замок. А он все не может остановиться и послать эту дуру на хрен. А я так хотела, чтобы он ее послал и спас меня.

— Это от кого же? — спросил Илья.

— От самого главного врага, что у тебя есть, — сказала Василиса. — Знаешь от кого? Рассказать?

— Конечно, — Илья заинтересованно уставился на девушку.

— Ты никогда не чувствовал, как будто кто-то заставляет тебя... — начала Василиса, но тут же замолкла.

— Заставляет что? — спросил Илья.

— Не важно, — сказала Василиса, тут же взяла руку Ильи и, положив себе на колено, стала медленно продвигать ее вверх по бедру.

Вокруг все были заняты своим делом. Кто-то пил, кто-то расплачивался, кто-то целовался, флиртовал, договаривался о «ко мне — к тебе», о звонках, о сообщениях, о чем угодно, но Илья чувствовал лишь свою руку, которую Василиса медленно двигала по своему бедру все выше и выше.

— Пойдем со мной! — вдруг сказала девушка, поднявшись и потянув Илью за рукав. — А потом я тебе все расскажу. Договорились?

Илья кивнул.

Через несколько минут он уже непослушными пальцами торопливо расстегивал пуговицы на джинсах Василисы в кабинке мужского туа-

лета, а она с задранной до подбородка футболкой, обнажающей грудь, ловко помогала ему в этом занятии.

Глава II

Серое зябкое утро. Уличные фонари все еще пытаются заглянуть за плотную завесу оконных штор, разбрызгивая по стенам комнаты желтые осколки своих слез. Из чуть приоткрытого окна тянет прохладой и пахнет сыростью, а от подоконника идет легкая волна тепла, поднимаемая включенным электрическим обогревателем, поставленным у холодной домашней батареи.

Обогреватель не спасает. А под тяжелым одеялом тепло и уютно.

Мягкая и приятная простынь, такой же приятный на ощупь пододеяльник. Теплая и мягкая подушка. Все хорошо. А вокруг тишина, изредка нарушаемая звуками просыпающегося города — отдаленным шумом проезжающего автомобиля или редким карканьем ворон на ближайшей от дома помойке. Идиллия.

Вдруг рядом на прикроватном столике, словно вампир, очухавшийся в заколоченном местными селянами гробу, в плотном прямоугольном кожаном чехле засветился и забился самый последний топовый смартфон.

В комнате зазвучал Рiанобой.

С тобой такие разные.
Не делимся на атомы, но дышим одинаково.
Влюбленные и пьяные.
Твоя рука в моей руке, глаза твои заплаканы.

Будильник на телефоне продолжал наигрывать песню Рianобой, но будить ему было абсолютно некого.

Эдуард, наверно, уже минут двадцать как лежал на спине с открытыми глазами, уставившись в темный потолок, по которому были разбрызганы желтые слезы фонарного света.

Они были как те самые солнечные зайчики, отбрасываемые осколками битого стекла... там... на заброшенной стройке, в котловане. Казалось бы, столько времени прошло...

Эдуард до мельчайших подробностей помнил большой котлован, который был вырыт на пустыре не так далеко от их шестнадцатизэтажного дома в застраиваемом новом районе города.

Они с братом любили часто играть в этом заброшенном котловане, прыгая по недостроенным стенам первого этажа, среди гнутой арматуры, осыпавшегося кирпича и битого стекла. Ах уж эта неестественная детская тяга к приключениям и опасным местам! А сейчас...

Эдуард сел на кровати и выключил будильник, напевавший Рianобой.

Даже в выходные дни он с какой-то маниакальной упорностью вставал рано, принимал холодный душ и отправлялся на пробежку. Вот уже двадцать лет. Без отговорок. Каждый день. Сразу после того, как его выписали из больницы.

А Дима...

Эх, Дима, Дима...

Эдуард встал с кровати и, не включая света, направился в ванную комнату по темному коридору. Свет раннего утра еще не попадал в коридор, и упавшая на Эдуарда облепляющая густая тьма была плотной, словно кисель. Так же, как и там, в больнице, когда солнце скрывалось за небольшим старым деревянным двухэтажным бараком, что стоял в окне напротив его палаты.

И барак вырастал. Темный и давящий, казалось, на само сердце, он пустыми окнами-глазницами серого корпуса-черепя смотрел на Эдуарда, а над ним, словно кровь по бетону, растекался закат.

А потом еще через несколько часов серых тягучих сумерек приходила бесконечная тьма. Она обвивала не только тело пациента, но и все предметы в палате. Она обволакивала само сознание, не позволяя пробиться ни единой мысли. Только черное спасительное ничто. Только какая-то огромная пустота.

Эдуард включил свет в ванной и повернул ручку смесителя. Зажурчав, прыснула ледяная вода.

Около года Эдуард провел в «специальном учреждении», куда он попал вместе со своим братом, который был лишь на год старше его. Причем Эдуарда выписали через год, а Дима оставался там еще полтора года. Видимо, потому, что он был старше, и его впечатление об увиденном на стройке тронуло одиннадцатилетнего мальчика намного сильнее.

Они всегда были вместе — Эдуард и Дима. Их небольшая разница в возрасте делала их практически братьями-близнецами, так что даже отличить их было трудно.

Трудно, но возможно.

Эдуард обладал более утонченными чертами, видимо оправдывая свое имя, выбранное ему бабушкой, которая была преподавателем русской литературы в университете. А Дмитрий был слегка по-медвежьему угловат, так как его имя дал ему его отец.

Папа был тогда молодой и перспективный офицер войск противовоздушной обороны. А мама... Мама против данных имен не возражала, так как очень любила их отца и их бабушку. Это были единственные ее родные и близкие.

Любила! Очень любила! Любила, пока ее не зарезал в темной подворотне какой-то ублюдок за кошелек, в котором денег-то было максимум на бутылку водки.

После этого за воспитание детей взялся отец. В трудные времена! Со всей строгостью! По-ар-

мейски! С наказанием за залеты и с обязательной физической муштрой и физподготовкой. Чтобы никто и никогда-никогда на этом свете! Никакой ублюдок! Не смог бы так просто! Забрать у него еще и сыновей!!!

Отец ненавидел и презирал слабость и пытался привить это своим детям.

Во дворе шестнадцатиэтажного дома в новом районе было много других ребят, но Эдуард и Дима по понятным обстоятельствам в основном предпочитали общество друг друга. Они изредка включали в свою компанию посторонних, среди которых был их сверстник — десятилетний Данила со второго этажа. Он был крепким жилистым мальчиком с голубыми, как небо, глазами. Потом Владик — невысокий полный мальчик из соседнего подъезда. Еще Бохар — кучерявый темный парень, которого взрослые за глаза почему-то называли странным словом «чурка». Была даже и девочка — Юля.

Хотя Юля и была на пару лет старше, но так же вместе с ребятами любила погонять мяч или попрыгать по недостроенным стенам запретной заброшенной стройки. Однако по ней всегда было видно, что она считает себя старше, а значит, умнее, опытнее и во всем остальном лучше, чем остальные ребята в этой компании.

Эдуард встал под холодные обжигающие струи воды, но ему было жарко. Он, как обычно, крепко

зажмурился, но, как бы крепко Эдуард ни закрывал глаза, он не смог бы вытравить из памяти ту ужасную картину, которая кислотным ожогом будет чернеть на розовых извилинах вскрытого мозга. И закрытые глаза тут абсолютно не помогут.

Нет!

Сейчас увиденное в котловане уже не вызвало таких чувств, такой остроты, такого накала еще неизвестных детям эмоций, но забыть все это Эдуард не сможет никогда.

Не сможет и Дима.

Однако, судя по времени, проведенному в «психушке», Дмитрию не удалось подавить все это в той степени, в которой это удалось Эдуарду.

Дима, Дима... Ты переживаешь это намного сильнее.

И вот под закрытыми веками, под струями ледяной воды, из темного, спрятанного в подсознании уголка стали старым затертым черно-белым фильмом тарыхтеть кадры.

Дмитрий бледный, как первый снег, стоит на разваливающейся мелким кирпичным крошевом межкомнатной стене на стройке в котловане. Стена изрисована каким-то неумелым граффити.

Дима стоит на этой стене метрах в двух выше бетонного пола, усыпанного окурками, битым стеклом, кусками бетона и кирпича. Под самой стеной из пола выглядывают иглы торчащей металлической арматуры. Слегка пахнет мочой.

Глаза Димы полны ужаса и непонимания. Он не может даже осознать то, что видит.

Эдуард же стоит под гребаной стеной, покрытой всей этой мозаикой заброшенности и разрушения, и также не понимает, что происходит.

А в метре от них, оставив недлинный кровавый след, словно проползающая улитка слизь, лежит истекающее кровью тело.

Это была Юля. Их подруга по играм.

Юлю можно было узнать по одежде. И только по одежде. Она сегодня утром выходила из дома в джинсовой юбочке чуть выше колен и в белой футболке с какой-то надписью на английском языке, которую ни Дима, ни Эдуард не понимали тогда. Но сейчас...

Сейчас эти черные буквы на покрасневшей от крови футболке сквозь десятилетия цинично смеялись над всеми участниками произошедшей трагедии. «Enjoy the little things» — было написано на футболке.

Футболка была натянута на голову тринадцатилетней девочки, точнее, на то, что оставалось от головы. Юбка у Юли была задрана чуть ли не до подбородка, нижнего белья не было, ноги естественно разведены в стороны, показывая то, что мальчики еще не должны видеть. Поэтому, с одной стороны, Дмитрия и Эдуарда охватило какое-то странное постыдное чувство, которое и пугало и одновременно притягивало, крутилось

вокруг живота и требовало большего и большего к нему внимания, а с другой стороны, вид крови и безжизненного тела внушал беспредельный ужас.

Это было как-то странно. И притягательно, и омерзительно отталкивающе.

Первым очнулся Эдуард. Большинство своих действий он впоследствии мог вспомнить только с этого момента. Быстрым движением мальчик вскарабкался на стену и внимательно посмотрел на Дмитрия, который продолжал тарашиться то на него, то на распластавшуюся внизу Юлю.

— Ну что ты там вылупился, — на Эдуарда вдруг спустилась непонятная решительность и хладнокровие. — Бежим быстрее. Нужно отцу рассказать.

— Но ведь... Так как же теперь... — бормотал что-то Дмитрий. — А как же ты... Что же мы...

— Скажем как есть, — уверенно говорил Эдуард, глядя в глаза брату. — Скажем, что вот так нашли Юльку на стройке и сразу же побежали за помощью.

— А если... — попытался возразить Дима.

— Ничего не бойся, — Эдуард развернул Диму спиной к Юле и, подталкивая ладошкой в спину, повел его прочь от пустыря. — Все будет хорошо.

Через полчаса заброшенный котлован было не узнать. Вокруг него по периметру толпились люди. Многих Эдуард и Дмитрий знали — это

были жители их дома, знакомые и соседи. Но еще были милиционеры в форме, в центре суетились люди в обычной одежде, пара людей в белых халатах и еще какие-то «специалисты».

Тела Юли на том месте, где Дима и Эдуард его обнаружили, уже не было. О произошедшем напоминал только недлинный кровавый след, тянувшийся вдоль кирпичной стены.

Потом были долгие, практически бесконечные разговоры с разными взрослыми людьми, ожидания в душных приемных, поездки в прокуренных служебных автомобилях, бумаги, расспросы, слезы, угрозы, ночные кошмары, какие-то лекарства, хождение во сне, а потом галлюцинации и психиатрическая клиника.

Кадры черно-белого фильма перестали таракать.

Эдуард закрыл воду и вышел из душа. Вытершись мягким пушистым полотенцем, он нагишом вышел в темный коридор, где его снова окутала тьма. Липкая ужасная тьма, которой в глубине души страшится каждый человек, но которая приносила Эдуарду облегчение и там, в больнице, и здесь, в повседневной жизни.

Тьма — это отсутствие мыслей, желаний и воспоминаний. Особенно воспоминаний.

В комнате вспыхнул свет. Эдуард открыл ящик с нижним бельем и натянул на себя светлые спортивные боксеры и белую обтягивающую футбол-

ку. За ними последовали белые носки, а потом синий тренировочный костюм.

Только в коридоре, в котором наконец-то Эдуард зажег свет, были надеты серые кроссовки, щелкнул замок входной двери, белые горошины беспроводных наушников уселись на свои места, и хозяин квартиры отправился на пробежку.

Вот уже практически двадцать лет. Без отговорок. Каждый день. Сразу после того, как его выписали из больницы.

Глава III

— Ну исчезла и исчезла, — улыбался Владимир, иронично глядя на Илью. — Ты же получил что хотел?

— Получил, — мрачно ответил Илья, допивая из маленького стаканчика остатки дешевейшего виски.

— Понравилось? — Улыбка коротко стриженного здоровяка становилась все шире и шире.

— Понравилось, — автоматически повторил за ним Илья.

— Ну-ка, дай посмотреть, что тебе твоя Золушка оставила, — Владимир протянул руку и взял с барной стойки небольшую подвеску на цепочке.

Внешне она выглядела как огрызок карандаша со стирательной резинкой на одном конце. Рубашка карандаша была выкрашена желтой краской.

С одного края металл держал оранжевый мутный камень, имитирующий стирательную резинку, с другого карандаш был заточен до остроты иголки.

— Интересная штука, — задумчиво произнес Илья.

— Цепь не выдержала? — Владимир внимательно изучал концы разорванной цепочки.

— Нет, блин! Это я сам потихоньку перекусил в процессе. Решил на золотишке подзаработать.

— Не получится, — ответил коротко стриженный здоровяк со знающим видом. — Это не золото и не серебро. Ты ее никому даже за бутылку пива не всучишь. Так что прогадал ты с бонусом.

— Да не в бонусе дело, — Илья снова наполнил маленький стаканчик.

— А ты на ней после всего, как порядочный человек, жениться собрался, что ли?

— Да нет, — ответил Илья. — Но чтобы вот так быстро... Сказала, что сейчас вернется, и вдруг исчезла.

— Ну так на! Получи девичью месть, — вдруг засмеялся Владимир, — тебя трахнули на первом свидании и бросили! Ты проститутка! Шалава! Ни одна порядочная девушка на тебя больше не посмотрит.

— Ну я же не такой, — улыбнулся Илья. — Я же не хотел. Я думал, что...

— Такой-такой, — парировал Владимир и засмеялся еще громче.